

■ ■ ■ Молодежь в пространстве гражданско-политических коммуникаций (результаты сравнительного анализа)¹

Маленков В.В.

Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация.

Аннотация: В теоретической части статьи гражданская вовлеченность молодежи рассматривается через призму когнитивно-коммуникативной проекции гражданства и как непосредственная активность в коммуникативном пространстве гражданско-политической реальности. Описываются типы вовлеченного гражданина. В практической части статьи дается количественное описание и оценка включенности молодежи в гражданско-политические коммуникации. Для этого используется метафора «воронка гражданской вовлеченности». Эмпирической базой для проведения анализа являются два анкетных опроса. Один проведен автором в конце 2019 года. Объектом исследования выступала молодежь в возрасте от 16 до 30 лет, проживающая в Тюмени. Исследование репрезентирует генеральную совокупность по полу и возрасту. Вторым источником эмпирической информации является мониторинговое исследование 14-летних подростков, завершенное в 2009 г. и в 2016 г. Международной ассоциацией по оценке образовательных достижений. В ходе вторичного анализа сравниваются релевантные показатели по 17 странам (включая Россию), по которым имеются доступные базы данных обоих замеров.

Ключевые слова: гражданская вовлеченность, политические коммуникации, цифровое участие, гражданско-политические ориентации

Для цитирования: Маленков В.В. Молодежь в пространстве гражданско-политических коммуникаций (результаты сравнительного анализа) // Коммуникология. 2020. Том 8. №4. С. 121-131. DOI 10.21453 / 2311-3065-2020-8-4-121-131.

Сведения об авторе: Маленков Вячеслав Викторович – канд. социологических наук, доцент Тюменского государственного университета. Адрес: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 3. E-mail: v.v.malenkov@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2020. *Принята к печати:* 15.12.2020.

В последние два-три десятилетия политические социологи по всему миру фиксируют падение интереса молодых людей к политике и в целом ко всему общественному [Foa, Mounk 2016]. Во многом это результат становления потребительского общества, сосредоточенного на индивидуальных потребностях, эгоистических ориентациях. Все, что касается удовольствий и развлечений считается приоритетным. Если что-то не предполагает реализацию личных интересов, изначально лишено смысла. В этой системе координат разговоры о гражданственности, общем благе, будущем страны являются «пустой болтовней» [Гаврилюк, Маленков 2020; Недяк 2018].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00632.

Такая демотивация политического участия длится довольно долго и затрагивает не только вертикальные политические режимы, но, скорее даже больше касается стран, формально признанных демократическими. В последнее десятилетие на смену скепсису относительно традиционных форм участия в рамках представительной демократии, пришла надежда, что появившиеся цифровые инструменты возродят прямую демократию, демократию участия, сетевую демократию [Loader, Vromen, Xenos], о которых оптимисты вроде Б. Барбера говорили еще в восьмидесятые годы двадцатого века [Barber].

Действительно в последние десять лет возникло множество примеров того, как новые цифровые коммуникации могли изменять еще вчера казавшиеся нерушимыми политические системы. В России цифровые технологии проявились на политическом поле сначала в ходе протестной волны 2011-2012 г., а затем в 2017 г., когда на публичной арене репрезентировали себя представители поколения нулевых.

Цель данной статьи – рассмотреть в какой мере молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет вовлечены в пространство гражданско-политических коммуникаций и проявляют себя в нем.

Концептуальная рамка исследования

Коммуникативный статус молодежи в гражданско-политическом пространстве общества количественно трактуется в контексте понятия «гражданской вовлеченности», описывается как некая воронка, где на поверхности лишь общие ориентиры, отношение к явлениям публично-гражданского порядка, а в глубине – концентрированная активность, реализуемая прежде всего в «политическом медиапространстве» [Шарков 2016].

Гражданская вовлеченность в свою очередь рассматривается, с одной стороны, в качестве когнитивно-коммуникативной проекции гражданства, включающей весь спектр форм, типов взаимодействия в гражданско-политическом пространстве общества: соответствующих ценностных ориентаций, убеждений, моделей поведения и участия; с другой стороны, в качестве важного элемента гражданской субъектности как способности влиять на общественные процессы и на власть, в том числе с помощью адекватных стратегий использования современных инструментов публичной коммуникации.

Существует множество концепций, описывающих когнитивно-коммуникативную проекцию гражданства. Так известный в западной литературе подход Б. Крика, который предлагал в своей концепции гражданского образования отказаться от модели гражданственности как долга и обязательств в пользу активного гражданства, которое предполагает в первую очередь, что гражданин обладает хорошей информированностью, политической грамотностью и рациональным мышлением [Crick]. Это фактически некий супер-гражданин, который постоянно вовлечен в политическую жизнь общества и участвует в принятии общественно-значимых решений, руководствуясь рациональностью и ориентацией на общее благо.

Однако еще раньше Л.У. Милбрэт опроверг такую модель, считая ее не жизнеспособной. Вместо этого он выделил тип вовлеченного гражданина – коммуникатора [Milbrath: 201], который довольно редко принимает участие в политике и общественной жизни, но при этом обладает высоким уровнем гражданской компетентности, информированностью и повышенным интересом к политике.

Аналогичную модель коммуникативной вовлеченности М. Шадсон назвал мониторинговым гражданством (*monitorial citizenship*) [Shudson: 312], носителем которого является гражданин-наблюдатель, который информирован не в силу того, что целенаправленно следит за новостной повесткой, а потому что он постоянно получает некоторую фоновую информацию благодаря специфике устройства современной медиасреды и своим навыкам обработки, отсеивания информации.

Вторым важным аспектом является способность различных коммуникативных инструментов реализовать потенциал гражданства, гражданской субъектности. В современном дискурсе само собой разумеющимся считается, что традиционные инструменты достаточно ограничены в достижении этих целей, в то время как современные, связанные с цифровым гражданством, работают более эффективно. Специфику цифровых площадок политических коммуникаций в контексте гражданства, гражданского участия рассматривали в своих работах множество зарубежных [Boulianne; Dahlgren; Kahne, Bowyer; Loader, Vromen, Xenos; Nelson, Lewis, Lei; Ohme] и российских ученых [Дифференциация...; Никовская, Скалабан; Петухов; Шарков 2019].

Однако не всегда цифровая активность рассматривается как положительное явление, в связи с чем появились такие понятия как «диванный активизм» или «слактивизм» (*slacktivism*), «кликтивизм» (*clicktivism*) [Morozov; Leyva].

В этом контексте цифровое участие характеризуется как формальная, не требующая больших затрат и обязательств, но создающая ложное чувство соучастия. Реальная же эффективность такого рода действий оказывается невелика. Так Е. Морозов, критикуя цифровые формы участия, приводит в пример ситуацию, когда группа в «Facebook» численностью более миллиона человек собрала всего около 6 тысяч долларов для помощи людям, ради которых и была создана [Morozov].

Методология и эмпирическая база исследования

Эмпирическую основу исследования составили данные анкетного опроса молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет, проживающих в Тюмени. Опрос проводился методом анкетирования ($n=1364$) в ноябре-декабре 2019 года. Выборка репрезентативна по признаку возраста и пола (ошибка выборки не превышает 5%), формировалась посредством стихийного отбора респондентов.

В качестве эмпирической базы для вторичного анализа используются данные международного сравнительного исследования по гражданственности и гражданскому образованию, реализованные под эгидой Международной ассоциа-

ции по оценке образовательных достижений. Целью данного проекта является сравнительная оценка готовности молодых граждан разных стран выполнять свои гражданские роли. Объектом исследования выступили 14-летние школьники из разных стран (в том числе России).

Исследование является мониторинговым. Совокупная выборка в 2009 году – более чем 140 000 учащихся в более чем 5300 школах из 38 стран [International..., 2009; Schulz et al., 2011], в 2016 году – 94000 школьников в 3800 школах из 24 стран [International..., 2016; Schulz et al., 2018].

Для проведения вторичного анализа были выбраны 17 стран (включая Россию), по которым доступны результаты двух замеров – Бельгия, Болгария, Гонконг, Дания, Италия, Колумбия, Латвия, Литва, Мексика, Норвегия, Россия, Словения, Финляндия, Чили, Швеция, Эстония, Южная Корея.

Результаты исследования: включенность в гражданско-политические коммуникации и его ценность для молодежи

Как показал опрос, большинство молодежи Тюмени высоко ценят возможности, связанные с реализацией своих информационных потребностей. Фактически то, что можно назвать коммуникационными ценностями, как они обозначены здесь, относятся к базовым общегражданским ценностям. К ним относятся возможность выражать мнение по политическим и любым социальным вопросам без опасения за личную свободу, а также свобода информации, отсутствие цензуры – их оценили как максимально важные для них лично 72% и 69% соответственно.

Вместе с тем, почти половина опрошенных (48%) считают, что свобода слова, массовой информации часто нарушается в нашей стране, а 36% – что это происходит редко («бывает, что нарушается»). Доля негативных оценок среди тех, кому очень важно свободно выражать свое мнение, на порядок больше – 59%, тогда как в других группах менее 30%.

Практически две трети молодых тюменцев в 2019 году утверждали, что регулярно следят за политическими событиями в стране. Данный вопрос достаточно близок к традиционно задаваемому во многих исследованиях социально-политического характера о наличии либо отсутствии интереса к политике. Поскольку на самом деле и в случае проявления интереса, и когда непосредственно следят за политическими событиями, чаще всего предполагается некое фоновое соприсутствие, нежели активное участие.

По результатам вторичного анализа международного исследования интерес к внутривнутриполитической повестке в 2009 году проявляли 73% 14-летних российских школьников – 18% из них это очень интересно, тогда как 55% отметили вариант ответа «довольно интересно». Однако по результатам замера 2016 года интерес к этой тематике заметно ослаб, охватив ровно половину участвующих в исследовании (50%), при этом только десятая часть (10%) от общей выборки очень интересовались социально-политическими проблемами нашей страны, тогда как остальные 40% отмечали, что им это «довольно интересно».

Необходимо отметить в этой связи два важных момента. Во-первых, по данному показателю российские подростки опережали представителей других стран в обоих исследованиях. Фактически речь может идти о том, что они, в силу каких-то причин, раньше начинают интересоваться политикой нежели их сверстники из других стран. В 2009 году наиболее близкими для сравнения оказались результаты итальянских школьников (71%), а сравнимые величины также наблюдались в Латвии, Литве (от 63% и выше). В среднем диапазоне (от 50% до 57%) по данному показателю результаты в Болгарии, Гонконге, Колумбии, Мексике, Чили, Эстонии и Южной Корее. Наиболее низкий интерес к политическим вопросам (от 29% до 37%) фиксировался среди подростков скандинавских стран, а также Бельгии и Финляндии.

Во-вторых, отрицательная динамика характерна не только для России, а практически для всех стран, включенных в анализ. В некоторых из них падение интереса к политике среди представителей данной возрастной группы не столь заметное (например, в Гонконге – с 54% до 46%, в Эстонии – с 50% до 34%), но в большинстве – просто тотальное. Приведем лишь несколько примеров негативной динамики, в частности, в Италии падение произошло с 71% до 32%, Латвии – с 63% до 28%. Исключением же стали Дания, где фиксируется некоторый рост с 34% до 41%, Финляндия – с 29% до 33%, Швеция – с 37% до 44%.

В-третьих, данные международного исследования фиксируют заметные межпоколенческие различия по данному вопросу. В обоих замерах, наряду с вопросом о собственной вовлеченности в политику, подросткам задавался вопрос о степени интереса к политике их родителей – отдельно матери и отца. В большинстве стран первые проявляли несколько меньшую заинтересованность в политике, внутренних проблемах страны. Так в России по результатам опроса 2009 года интерес матерей подростков к политике составлял 64%, тогда как отцов 71%, а в 2016 году – 71% у мужчин старшего поколения и 78% соответственно у женщин.

Однако более интересно, что за этот период, в отличие от подростков, у поколения родителей вовлеченность в политику несколько выросла практически во всех представленных в исследовании странах. В большинстве из них этот рост у представителей обоих полов незначителен (в пределах 10%). В частности, в России фиксируется увеличение интереса на 7% у родителей женского пола и столько же у мужского.

Коммуникативные практики на уровне повседневности

Следующей ступенью «воронки вовлеченности» является включенность в коммуникативные гражданские практики на уровне повседневного общения. Обычно это выражается в обсуждении актуальной новостной повестки и наиболее значимых проблем в кругу семьи, среди родственников, друзей, коллег и т.д. На этой ступени обычно понятие вовлеченности несколько сужается.

Так, если почти две трети опрошенных молодых людей отметили, что стараются регулярно следить за политическими событиями, то обсуждают общественно-

политические проблемы, как показало наше исследование, на порядок меньше. Наиболее часто это происходит в кругу друзей, знакомых (38%), чуть реже в семье и среди родственников (34%), и еще меньше – с коллегами, одноклассниками, одноклассниками (29%). А через онлайн-коммуникации, социальные сети часто обсуждают политические темы только один из пяти опрошенных. При этом, что характерно, три четверти опрошенных (75%) убеждены, что могут аргументированно представлять свое мнение при обсуждении общесоциальных и политических тем.

По результатам международного мониторингового исследования можно отметить следующие ключевые моменты. Во-первых, в большинстве стран фиксируется рост обсуждающих политику с родственниками и друзьями. Доля никогда не делающих это несколько снижается в 2016 году по сравнению с 2009 годом, а практикующих такую форму взаимодействия с окружающими с разной периодичностью, наоборот, увеличивается. Но, в то же время, доля подростков, совсем не вовлеченных в обсуждение общественно-политической повестки, остается высокой практически везде.

В России по результатам обоих замеров показатель вовлеченности на уровне повседневного общения один из наиболее высоких. Никогда не обсуждали в 2009 году политику и общенациональные вопросы с родственниками 45%, тогда как в Финляндии и Бельгии – 66% и 70% соответственно. В 2016 году доля таковых снизилась в России до 35%, а в Финляндии и Бельгии – до 54% и 57%, оставаясь одним из самых высоких показателей.

Вовлеченность в массовые политические коммуникации

Одним из основным вопросов, не теряющих пока свою актуальность, является соотношение и сила влияния на массовое сознание разных каналов коммуникаций. Несмотря на то, что интернет-медиа становятся все более значимыми, а телевидение, казалось бы, теряет былое значение, результаты опросов показывают, что пока последнее сохраняет способность влиять на общество. В частности, молодые люди скорее декларируют свой отказ от телесмотрения, чем реально отказываются. К тому же в современную цифровую эпоху распространено фоновое телесмотрение, когда ключевая телевизионная повестка так или иначе ретранслируется в других каналах коммуникации [Гаврилюк, Маленков].

По результатам исследования молодых тюменцев в конце 2019 года выяснилось, что уровень доверия к средствам массовой информации (телевидению, печатным СМИ) очень низкий. Полностью доверяют им всего около 3%, в основном доверяют – 14%, а 27% затруднились дать определенный ответ («трудно сказать точно»). Однако это не специфика лишь отношения к традиционным медиа. Уровень доверия к интернет-источникам, хотя и несколько выше, тоже достаточно невысок – в разной степени доверяют им около трети опрошенных (30% – в основном доверяют, 5% – полностью доверяют).

По данным международного исследования в большинстве из включенных в него стран структура телесмотрения с целью поддержания информированности

о событиях в стране и мире в 2016 году по сравнению с 2009 годом не сильно изменилась. Так в России доля школьников, никогда не обращающихся к телевидению для получения новостей, осталась прежней, а в некоторых странах даже несколько уменьшилась. Например, в Бельгии – с 22% до 11%, в Швеции – с 23% до 17%. При этом очевидно, что уменьшилась аудитория ежедневного телесмотра с целью получения новостей почти везде. Например, в России – с 29% до 26%, в Эстонии – с 42% до 26%, Чили – с 60% до 50%, Колумбии – с 67% до 60%.

Информационная активность или точнее информационное потребление молодежи преимущественно сосредоточено в сети Интернет. Причем оно редко касается гражданско-политической сферы, а акцентировано на развлекательном контенте. При этом в последнее время стали развиваться практики гражданского участия, которые полностью локализованы в сетевом пространстве.

Вместе с тем, данные международного исследования показывают значительные изменения и довольно внушительные цифры, характеризующие использование всемирной сети для поиска информации о политических и социальных событиях, проблемах. В большинстве стран уменьшилась доля школьников, не использующих для этого Интернет совсем. Например, в России – с 46% до 26%, Чили – с 59% до 51%, Бельгии – с 68% до 48%. Вместе с тем, российские школьники стали чаще обращаться к нему с разной периодичностью. Практика ежедневного обращения выросла с 14% до 18%, еженедельного – с 18% до 25%, не реже одного раза в месяц – с 22% до 32%.

Можно выделить две наиболее распространенные формы гражданской и политической вовлеченности, реализуемой через онлайн-коммуникации: массовое политическое поведение и онлайн-активизм. К первому можно отнести развивающиеся в последнее время инструменты выражения мнения по различным общественно-значимым вопросам. Согласно данным исследования, более половины молодых тюменцев (54%) имеют опыт подписания онлайн-петиций. В основном делают они это на специальных платформах (например, наиболее распространенной – Change.org). Очень многие из них постоянно включены в данный процесс, подписаны на соответствующие ресурсы, получают рассылку о новых петициях. При этом степень вовлеченности измерить достаточно сложно, поскольку доминирует пассивное действие, фактически, что называется, «в один клик».

Такой вид участия довольно распространен среди молодежи, в частности, 41% опрошенных приходилось выражать так (с помощью кнопок «like», «нравится» и т.д.) свое мнение относительно политического контента в сети (видео, публикациям различного формата). Эти практики находятся в некотором промежуточном положении. С одной стороны, подобное действие можно считать в какой-то мере публичным, поскольку каждый непосредственно формирует ткань сетевой структуры общества, воздействует на нее своими, пусть и незначительными усилиями, например, помогает привлекать внимание к определенным проблемам, продвигает соответствующий контент, повышая его рейтинг, что в конечном счете может содействовать решению проблем.

Вместе с тем, даже по психологической структуре, по ощущениям данный вид участия имеет большую долю приватности – это возможность ощутить себя соучастником в решении общественно-значимых проблем, не нарушая приватности, не переступая определенную черту, границу зоны комфорта. В целом полученные результаты подкрепляют концепции, описывающие модель гражданина-наблюдателя как медианного актора в пространстве гражданско-политических коммуникаций.

Более активные способы гражданско-политического действия в онлайн-среде предполагают выход за границы личного пространства в пространство хотя бы минимальной публичности, понимая, что она в какой-то момент может перерасти во что-то, что изначально невозможно было себе даже представить. Но именно эти практики цифрового участия можно назвать онлайн-активизмом.

Согласно нашим данным, практически каждому пятому опрошенному приходилось размещать комментарий или изображение в сети Интернет относительно общественной, политической проблемы. Чуть меньше (17%) публиковали пост о социальном, политическом событии, проблеме. В данных международного исследования фигурируют близкие цифры.

В 2016 году 79% школьников отметили, что никогда не комментировали и не размещали изображение под контентом общезначимого и политического характера. При этом 21% признали, что делают это с определенной периодичностью – 13% ежемесячно, 5% примерно раз в неделю, 3% ежедневно или близко к этому. Более четверти (26%) публиковали пост либо делали перепост публикации, размещенной другим человеком – 16% не реже одного раза в месяц, 7% – не реже одного раза в неделю, 3% – практически ежедневно.

Следует отметить, что эта такая практика цифрового активизма менее распространена среди подростков в экономически развитых странах. Например, в Перу, доля никогда не практиковавших эти формы, чуть более 60%, а в скандинавских странах и Финляндии данный показатель составляет около 90%.

Выводы

Молодежь высоко оценивает возможность влияния на власть, в том числе через выстраивание механизмов публичной коммуникации. Прослеживается высокая степень фоновой вовлеченности в политику и общественную жизнь, причем по данному показателю российские подростки опережают представителей других стран, участвующих в исследованиях. Наиболее низкий интерес к политическим вопросам фиксировался среди подростков скандинавских стран, а также Бельгии и Финляндии. Во всех странах наблюдается отрицательная динамика по показателю интереса к политике. Данные международного исследования также фиксируют заметные межпоколенческие различия в этом вопросе.

Вместе с тем, в большинстве стран фиксируется рост вовлеченности в политику на уровне повседневных коммуникаций. В России по результатам обоих замеров данный показатель один из наиболее высоких. Несмотря на распростра-

ненное предположение, телевидение практически нигде не потеряло свою роль поставщика политической информации, новостей. При этом роль сети Интернет в этом процессе значительно увеличилась. В цифровом гражданском участии молодежь в основном практикует пассивные формы, не требующие больших ресурсов. Российские школьники более вовлечены в цифровую активность, чем их сверстники из других стран. В целом практика цифрового активизма менее распространена среди подростков экономически развитых стран.

Источники

Гаврилюк В.В., Маленков В.В. (2019). Новое поколение граждан и телевидение // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. Том 14. №1. С. 42-53.

Гаврилюк В.В., Маленков В.В. (2020). Политическая субъектность нового рабочего класса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 20. №2. С. 333-347.

Дифференциация гражданских и политических практик в России (2013): институциональная перспектива. Научно-аналитический доклад / под руководством С.В. Патрушева. М.: Институт социологии РАН.

Недяк И.Л. (2018). Определение политического через свободу от произвола: абрис гражданственности в неоклассическом республиканизме // Политическая наука. №2. С. 53-72.

Никовская Л.И., Скалабан И.А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. №6. С. 43-60.

Петухов В.В. (2019). Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. №12. С. 3-14.

Шарков Ф.И. (2016). Визуализация политического медиапространства // Полис. Политические исследования. №5. С. 97-107.

Шарков Ф.И. (2019). Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. Том 7. №4. С. 32-40.

Barber B. (1984). Strong democracy: Participatory politics for a new age. Berkeley: University of California Press.

Boulianne S. (2015) Social media use and participation: a meta-analysis of current research // Information, Communication & Society. Vol. 18. No.5. P. 524-538.

Crick B. (2002). Education for Citizenship: The Citizenship Order // Parliamentary Affairs. Vol. 55. №3. P. 488-504.

Dahlgren P. (2014). Political participation via the web: Structural and subjective contingencies // Interactions: Studies in Communication & Culture. Vol. 5. No.3. P. 255-269.

Foa R., Mounk Y. (2016). The Democratic Disconnect // Journal of Democracy. Vol. 27. No.3. P. 5-17.

International Association for the Evaluation of Educational Achievement. International Civic and Citizenship Education Study, 2009. Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], 2018-11-01.

International Association for the Evaluation of Educational Achievement. International Civic and Citizenship Education Study, 2016. Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], 2018-10-24.

Kahne J., Bowyer B. (2018). The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks // Political Communication. Vol. 35. No.3. P. 470-493.

Leyva R. (2016). Exploring UK Millennials' Social Media Consumption Patterns and Participation in Elections, Activism, and "Slacktivism" // Social Science Computer Review. Vol. 35. No.4. P. 462-479.

Loader B.D., Vromen A., Xenos M.A. (2014). The networked young citizen: social media, political participation and civic engagement // Information, Communication & Society. Vol. 17. No.2. P. 143-150.

Milbrath L.W. (1981). Political Participation. In: The Handbook of Political Behavior, ed. S.L. Long. New York: Plenum Press. P. 197-240.

Morozov E. (2009). From slacktivism to activism // Foreign Policy [эл. ресурс]: <http://foreignpolicy.com/2009/09/05/from-slacktivism-to-activism> (дата обращения: 10.08.2020).

Nelson J., Lewis D., Lei R. (2017). Digital Democracy in America: A Look at Civic Engagement in an Internet Age // Journalism & Mass Communication Quarterly. Vol. 94. No. 1. P. 318-334.

Ohme J. (2019). Updating citizenship? The effects of digital media use on citizenship understanding and political participation // Information, Communication & Society. Vol. 22. No. 13. P. 1903-1928.

Schudson M. (1998) The Good Citizen: A History of American Public Life. New York: The Free Press.

Schulz W., Ainley J., Fraillon J. (2011). ICCS 2009: Technical Report. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA).

Schulz W. et al. (2018). International Civic and Citizenship Education Study 2016: Technical Report. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA).

■ ■ ■ Youth in the Space of Civil and Political Communications (results of a comparative analysis)

Malenkov V.V.

Tyumen State University, Tyumen, Russia.

Abstract. In the theoretical part of the article, the civic engagement of youth is viewed through the prism of the cognitive-communicative projection of citizenship and as direct activity in the communicative space of civil-political reality. The types of citizen involved are described. The practical part of the article provides a quantitative description and assessment of the involvement of young people in civil and political communications. For this, the metaphor “funnel of civic engagement” is used. The empirical basis for the analysis is two questionnaires. One by the author at the end of 2019. The object of the study was young people aged 16 to 30 living in Tyumen. The study represents the general population by gender and age. The second source of empirical information is a monitoring study of 14-year-olds, completed in 2009 and 2016 by the International Association for the Evaluation of Educational Achievements. The secondary analysis compares the relevant indicators for 17 countries (including Russia) for which there are available databases of both dimensions.

Keywords: civic engagement, political communication, digital participation, civic and political orientations

For citation: Malenkov V.V. (2020). Youth in the space of civil and political communications (results of a comparative analysis). *Communicology (Russia)*. Vol. 8. No.4. P. 121-131. DOI 10.21453/2311-3065-2020-8-4-121-131.

Inf. about the author: Malenkov Vyacheslav Viktorovich – Cand. Sc. (Soc.), associate prof. at the Tyumen State University. Address: 625003, Russia, Tyumen, Volodarsky st., 3. E-mail: v.v.malenkov@gmail.com.

Received: 19.11.2020. *Accepted:* 15.12.2020.

Acknowledgements. The study was funded by RFBR, project no. 19-011-00632.

References

- Barber B. (1984). Strong democracy: Participatory politics for a new age. Berkeley: University of California Press.
- Boulianne S. (2015) Social media use and participation: a meta-analysis of current research // Information, Communication & Society. Vol. 18. No.5. P. 524-538.
- Crick B. (2002). Education for Citizenship: The Citizenship Order. *Parliamentary Affairs*. Vol. 55. No.3. P. 488-504.
- Dahlgren P. (2014). Political participation via the web: Structural and subjective contingencies. *Interactions: Studies in Communication & Culture*. Vol. 5. No.3. P. 255-269.
- Foa R., Mounk Y. (2016). The Democratic Disconnect. *Journal of Democracy*. Vol. 27. No.3. P. 5-17.
- Gavrilyuk V.V., Malenkov V.V. (2019). The new generation of citizens and television. *Izvestiya UrFU. Series 3: obshchestvennyye nauki (social studies)*. Vol. 14(1). P. 42-53 (In Rus).
- Gavrilyuk V.V., Malenkov V.V. (2020). New working class as a political subject. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 20(2) P. 333-347 (In Rus).
- International Association for the Evaluation of Educational Achievement. International Civic and Citizenship Education Study, 2009. Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], 2018-11-01.
- International Association for the Evaluation of Educational Achievement. International Civic and Citizenship Education Study, 2016. Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], 2018-10-24.
- Kahne J., Bowyer B. (2018). The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*. Vol. 35. No.3. P. 470-493.
- Leyva R. (2016). Exploring UK Millennials' Social Media Consumption Patterns and Participation in Elections, Activism, and "Slacktivism". *Social Science Computer Review*. Vol. 35. No.4. P. 462-479.
- Loader B.D., Vromen A., Xenos M.A. (2014). The networked young citizen: social media, political participation and civic engagement. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No.2. P. 143-150.
- Milbrath L.W. (1981). Political Participation. In: The Handbook of Political Behavior, ed. S.L. Long. New York: Plenum Press. P. 197-240.
- Morozov E. (2009). From slacktivism to activism. *Foreign Policy* [el. source]: <http://foreignpolicy.com/2009/09/05/from-slacktivism-to-activism> (accessed: 10.08.2020).
- Nedyak I.L. (2018) Defining the political through the freedom from arbitrary power: an outline of civic consciousness in the neo-classical republicanism. *Political Science (RU)*. No.1. P. 53-72 (In Rus.).
- Nelson J., Lewis D., Lei R. (2017). Digital Democracy in America: A Look at Civic Engagement in an Internet Age. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 94. No.1. P. 318-334.
- Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. (2017) Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *Polis. Political Studies*. No.6. P. 43-60 (In Rus.).
- Ohme J. (2019). Updating citizenship? The effects of digital media use on citizenship understanding and political participation. *Information, Communication & Society*. Vol. 22. No.13. P. 1903-1928.
- Patrushev S.V., ed. (2013). Differentiation of civic and political practices in Russia: institutional perspective. Scientific – analytical paper. M.: Institute of Sociology RAS (In Rus.).
- Petukhov V.V. (2019) Civic Participation in Russia Today: Interaction of Social and Political Practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*. No.12. P. 3-14 (In Rus.)
- Schudson M. (1998) The Good Citizen: A History of American Public Life. New York: The Free Press.
- Schulz W. et al. (2018). International Civic and Citizenship Education Study 2016: Technical Report. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA).
- Schulz W., Ainley J., Fraillon J. (2011). ICCS 2009: Technical Report. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA).
- Sharkov F.I. (2016). Visualization of political media. *Polis. Political Studies*. No.5. P. 97-107 (In Rus.).
- Sharkov F.I. (2019). Social networks as the basis for the formation of the public communication space. *Communicology*. Vol. 7(4). P. 32-40 (In Rus).